

А. Будилович

**Новые данные для истории
восточного вопроса**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Будилович**
Новые данные для истории восточного вопроса / А. Будилович – М.: Книга
по Требованию, 2011. – 116 с.

ISBN 978-5-4241-6971-7

Обзорное исследование по поводу сборника документов "Государственные тайны Венеции", изданного В.Ламанским на французском языке, СПб, 1884.

ISBN 978-5-4241-6971-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чаниями; а такъ какъ документы эти писаны на языкахъ латинскомъ и италіанскомъ и представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ, то я прибѣгъ при этомъ къ французскому языку. Впоследствии, когда примѣчанія эти незамѣтно и невольно разрослись до цѣлыхъ статей, опытовъ, очерковъ, я принужденъ былъ для послѣдовательности держаться того же языка, вмѣсто русскаго^а. Если выкинуть изъ приведенной выдержки слова: „представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ“, то нельзя не признать извѣстной вѣрности указанныхъ мотивовъ.

Что касается пропагандистскихъ цѣлей автора, аналогичныхъ тѣмъ, какія преслѣдовали Хомяковъ, Тютчевъ, Гильфердингъ и др. въ своихъ французскихъ брошюрахъ, то онѣ особенно ярко пробираются въ его Предисловіи, затѣмъ въ очеркахъ: О покушеніяхъ на жизнь папъ въ средніе вѣка и въ 16 в. и о борьбѣ латино-германскаго запада съ греко-славянскимъ востокомъ (особенно на стр. 379—396); О политическихъ низостяхъ въ западно-европейскихъ государствахъ 16 в. (стр. 417—459); О роли иноводцевъ въ старой Венеціи и новой Австро-Венгріи (547—551); О социальномъ положеніи Венеціи въ 16 в. (671—850) и и. др. Да и самый подборъ матеріала изъ венеціанскихъ архивовъ не чуждъ извѣстной тенденціи, именно желанія открыть изнанку западно-европейской жизни въ вѣкъ возрожденія и гуманизма, въ противоположность господствующему панегириву западныхъ историковъ этой блестящей эпохи.

Нѣтъ сомнѣнія, что во французскомъ изложеніи историческіе взгляды нашего автора скорѣе могутъ дойти до свѣдѣнія, а быть можетъ, и войти въ сознаніе западныхъ писателей и дѣятелей, чѣмъ въ недоступномъ имъ русскомъ текстѣ; но за то читатель русскій оставленъ здѣсь на заднемъ планѣ. Быть можетъ, со временемъ это неудобство будетъ устранено издашіемъ русскаго перевода по крайней мѣрѣ болѣе значительныхъ очерковъ сборника; но пока этого нѣтъ, небезполезно будетъ представить краткій систематическій обзоръ того обильнаго матеріала, который собранъ, а отчасти и разработанъ г. Ламанскимъ.

I

В. И. Ламанскій озаглавилъ свой сборникъ документовъ и этюдовъ: „Государственныя тайны Венеціи“. Если бы содержаніе сборника точно соотвѣтствовало этому заглавію, то онъ имѣлъ бы мало

отношенія къ славяновѣдѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни смотрѣть на народность древнихъ верхне-италійскихъ Венетовъ и на происхожденіе города Венеціи, все же нельзя отрицать, что въ XV—XVI вв. это былъ городъ латинскій, западный, европейскій, а не восточный, славянскій или хотя бы греко-славянскій. Исторія этого города и государства принадлежитъ къ славяновѣдѣнію не больше, чѣмъ средневѣковая и новая исторія Генуи, Неаполя, Рима, Вѣны, Берлина и т. п. Но „государственныя тайны Венеціи“ составляютъ хотя и важнѣйшій, но далеко не первенствующій вопросъ въ сборникѣ г. Ламанскаго. Ему посвящена лишь первая изъ трехъ серій документовъ, обнимающая 156 страницъ, да незначительная часть второй серіи. При всемъ своемъ интересѣ и обще-психологическомъ, и частно-историческомъ, этотъ отдѣлъ документовъ не представляетъ такой перво-степенной важности, какъ другіе, тѣмъ болѣе, что значительная часть данныхъ о политическихъ убійствахъ въ старой Венеціи издана была еще въ 1882 г. италіанскимъ ученымъ Фулиномъ (Fulin) въ его „Egroti veschi e documenti nuovi“, какъ это заявляетъ и авторъ сборника на стр. V—VI предисловія. Центръ тяжести его книги лежитъ не въ „государственныхъ тайнахъ Венеціи“, а въ новомъ освѣщеніи многихъ сторонъ такъ-называемаго „восточнаго вопроса“, то-есть, исторіи культурныхъ и политико-экономическихъ отношеній греко-славянскаго востока къ романо-германскому западу въ XV и особенно XVI вв. Въ этомъ же вопросѣ сбѣгаются, какъ въ фокусѣ, и располагаются въ своеобразномъ спектрѣ лучи очень различныхъ историческихъ свѣтилъ: Рима перваго и втораго, а потомъ и третьяго, папства и церкви соборной, имперіи западной и восточной, Европы и Турціи, а затѣмъ Европы и Россіи. Для разъясненія этого „великаго спора“, дѣйствительно, необходимо знать какъ явныя, такъ и тайныя дѣйствія Венеціи, Рима, Испаніи, Франціи, Германіи, Угріи, Турціи, Россіи, положеніе и стремленія греческой, албанской и славянской райи, подчиненной то султану, то синьоріи и т. п. Вотъ тутъ то и можетъ служить неисчерпаемымъ рудникомъ свѣдѣній и надежнымъ руководителемъ при ихъ обработкѣ сборникъ г. Ламанскаго. Предоставляя нашимъ „всеобщимъ-историкамъ“ разработку тѣхъ его отдѣловъ, которые выходятъ за предѣлы славяновѣдѣнія, я сосредоточу вниманіе читателя на собранныхъ въ этой книгѣ „Новыхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса“, предпо-славъ своему своду нѣсколько замѣчаній объ источникахъ, кото-

рыми пользовался нашъ авторъ при составленіи сборника, а равно о нѣкоторыхъ методологическихъ его особенностяхъ.

II.

Основной матеріалъ сборника г. Ламанскаго заимствованъ, по его собственнымъ словамъ (I), изъ бумагъ венеціанскаго Сената, Совѣта Десяти и нѣкоторыхъ другихъ, рассмотрѣнныхъ имъ въ теченіе 13-ти-мѣсячнаго пребыванія въ Венеціи въ 1868—1869 учебномъ году въ архивѣ dei Ffagi, въ библіотекѣ св. Марка, въ музеѣ Корреръ и фамильномъ архивѣ гр. Донà. Количество рукописныхъ томовъ, изъ коихъ сдѣланы выписки, по приблизительному расчету достигаетъ сотни. Однихъ журналовъ Совѣта X подъ наименованіемъ *Misti* рассмотрѣно до 50-томовъ, а *Secreta* того же Совѣта болѣе 20 томовъ. Въ библіотекѣ св. Марка авторъ экскерпировалъ значительную часть многотомныхъ *Diarii* Марино Санудо. Кое-что заимствовано имъ и изъ рукописей императорской Вѣнской (см. стр. 411) и С.-Петербургской публичной библіотекъ.

Какъ значительно было количество экскерптовъ и копій, вывезенныхъ авторомъ изъ Венеціи, видно изъ того, что онъ въ состояніи былъ наполнить ими почти 1000 страницъ своего сборника, то въ полномъ воспроизведеніи, то въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и выдержкахъ.

Нельзя не подивиться этой энергіи нашего слависта, а еще болѣе его умѣнію ориентироваться въ массѣ рукописнаго матеріала, особенно если вспомнить, что по предшествовавшимъ своимъ занятіямъ онъ не былъ столь близокъ къ италіанскому міру, какъ напримѣръ, загребскій ученый Любичъ или нашъ столь преждевременно почившій славяновѣдъ В. В. Макушевъ. Что касается нѣкоторой медлительности въ обработкѣ и изданіи привезеннаго г. Ламанскимъ еще въ 1870 г. рукописнаго матеріала, то она объясняется самымъ способомъ этого изданія. Еслибъ авторъ ограничился, какъ Любичъ и Макушевъ, механическимъ воспроизведеніемъ въ печати своихъ экскерптовъ и копій, то дѣло не могло бы затануться на десятокъ лѣтъ; но разъ углубившись въ комментированіе издаваемыхъ матеріаловъ, въ ихъ научную разработку, авторъ долженъ былъ посвятить не одинъ мѣсяць, даже не одинъ годъ изученію обширной литературы по италіанской и вообще западно-европейской исторіи, о чемъ свидѣтельствуетъ множество ученыхъ ссылокъ въ сборникѣ, особенно въ очер-

какъ и разысканіяхъ, сопровождающихъ 2-ю и 3-ю серіи изданныхъ документовъ.

Нельзя, конечно, утверждать, что авторъ успѣлъ въ равной мѣрѣ обработать всѣ части своего обширнаго сборника документальныхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса. Даже въ распредѣленіи матеріала по извѣстнымъ рубрикамъ нѣрѣдко замѣтны пробѣлы и скачки. Такъ значительная часть документовъ второй серіи (о политическихъ убійствахъ) должна бы войти въ хронологическую сѣть документовъ первой серіи, трактующихъ нѣрѣдко о тѣхъ же лицахъ и событіяхъ. Въ третьей же серіи матеріалъ сгруппированъ не въ хронологической уже послѣдовательности, а по содержанию, напримѣръ: о разноплеменности венеціанскихъ подданныхъ; о злоупотребленіяхъ въ венеціанскомъ флотѣ; о недостаткахъ въ оборонѣ венеціанскихъ областей и крѣпостей; о доходности греческихъ острововъ; объ экономическихъ и социальныхъ отношеніяхъ послѣднихъ, въ связи съ злоупотребленіями въ ихъ администраціи; объ отношеніяхъ синьори къ греческой церкви и духовенству. Нельзя не признать, что систематическое распредѣленіе матеріала въ третьей серіи имѣетъ преимущество предъ болѣе механическимъ его размѣщеніемъ въ первыхъ двухъ серіяхъ.

Нѣтъ равномерности и въ обработкѣ собраннаго авторомъ матеріала. Такъ, напримѣръ, онъ посвятилъ особые очерки вопросамъ: объ отношеніи западно-европейцевъ къ папамъ, о недостаткахъ венеціанской администраціи и т. п., тогда какъ многіе другіе, не менѣе важные вопросы, напримѣръ, объ экономическомъ, общественномъ и религіозномъ состояніи греческихъ подданныхъ Венеціи, остались безъ разработки. Въ другихъ случаяхъ она не доведена до конца, напримѣръ, о судьбѣ султана Джема.

Но зачѣмъ требовать полноты и всесторонности тамъ, гдѣ она недостижима? При такой обширности матеріала комментарий къ нему по необходимости будетъ не полонъ. Лучше поблагодаримъ автора за освѣщеніе и обработку хоть части этого матеріала, особенно за богатые мысли и фактами трактаты его о папствѣ (357—396), о центральной администраціи и социальномъ бытѣ Венеціи въ XVI вѣкѣ (671—850) и за прекрасное предисловіе, гдѣ указана связь прошлаго съ настоящимъ въ восточномъ вопросѣ. Неудобства же, возникающія отъ сложной системы распредѣленія матеріала въ трехъ серіяхъ, съ хронологическимъ порядкомъ въ двухъ первыхъ и съ предметнымъ въ третьей, если и не вполне устраняются, то значительно

ослабляются подробнымъ оглавленіемъ въ началѣ книги и указателемъ имѣя личныя и мѣстныя въ концѣ ея.

III.

Для оцѣнки научнаго значенія документовъ сборника г. Ламанскаго необходимо имѣть въ виду, что большая часть ихъ имѣютъ характеръ официальныхъ актовъ, напримѣръ, выписки изъ протоколовъ засѣданій Сената и Совѣта X, распоряженія того и другаго, донесенія имъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ. Лишь меньшая сравнительно часть матеріала заимствована изъ частныхъ сообщеній, писемъ, статей, книгъ и т. п.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что протоколы венеціанскихъ присутствій или донесенія центральному правительству подвѣдомственныхъ органовъ совершенно свободны отъ неумышленного, или умышленнаго искаженія фактовъ. При всей своей хваленой „змѣиной мудрости“, адриатическая республика не разъ попадала въ просакъ, между прочимъ и благодаря невѣрнымъ сообщеніямъ чиновниковъ, на которыя горько жаловался правдолюбивый Марино Санудо, говоря даже, что „венеціанскіе чиновники никогда не сообщаютъ своему правительству правды, если она имъ не на руку“ (597). Тѣмъ не менѣе уже самый фактъ тысячелѣтняго существованія этой республики и ея громадныхъ политическихъ успѣховъ въ XIII—XV вѣкахъ, при слабости матеріальныхъ силъ, свидѣтельствуешь о политической мудрости ея высшихъ и низшихъ государственныхъ органовъ, правильной оцѣнкѣ ими политическихъ условий, вѣрности получаемыхъ свѣдѣній и цѣлесообразности распоряженій.

Въ сборникѣ г. Ламанскаго имѣются указанія и на намѣренную фальсификацію нѣкоторыхъ официальныхъ документовъ, даже донесеній Сенату, проходившихъ черезъ цензуру Совѣта X, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же фактъ иной разъ обрисовывается совершенно иначе въ бумагахъ Сената, чѣмъ въ дѣлахъ Совѣта X, напримѣръ, смерть хорватскаго бана Тарпавала въ 1473 г. (стр. 169); во въ подобныхъ случаяхъ мы всегда знаемъ, какое показаніе слѣдуетъ считать подлиннымъ и какое искаженнымъ. Сборникъ г. Ламанскаго тѣмъ главнѣйше и отличается отъ аналогичныхъ изданій Шафарика, Любича и др., что основной его матеріалъ заимствованъ изъ дѣлъ Совѣта X, а не Сената. Положимъ, и въ этихъ дѣлахъ есть значительныя пробѣлы, даже намѣренныя, происходящія отъ уничтоженія Десятью письменныхъ слѣдовъ содѣянныхъ ими злодѣяній, на что ука-

зываетъ и нашъ авторъ (стр. 302, 815), но это допускалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ; въ большинствѣ эти слѣды сохранились подъ покровомъ непроницаемой тайны архивовъ этого страшнаго Совѣта. Поэтому г. Ламанскій былъ совершенно правъ, признавая особенную важность за бумагами этого Совѣта (стр. 763) и принимая ихъ исходной точкой при оцѣнѣ многихъ важныхъ событій европейской жизни XV—XVI вв.

Историческое значеніе официальныхъ донесеній венеціанскихъ сановниковъ еще увеличивается отъ особенной ихъ подробности, мѣткости наблюдений и тонкости характеристики. Стоять, напримѣръ, прочесть донесеніе изъ Рима посла Антонія Джустиніана о смерти папы Александра VI (стр. 341—354: депеша эти напечатаны уже раньше во Флоренціи), или сохранившія въ *Diarii* Марино Санудо донесенія о смерти Льва X въ 1521 г. (стр. 396—406), либо подробнѣшшія реляціи объ островахъ: Кипрѣ (стр. 622—630), Критѣ (стр. 630—648), Корфу (стр. 650), Тиносѣ и Чериго (стр. 651—670), чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ въ этихъ донесеніяхъ образцы несравненнаго описательнаго и повѣствовательнаго искусства, выдержки изъ коихъ могли бы служить украшеніемъ любой исторической хрестоматіи. Венеціанскіе отчеты, вмѣсто общихъ фразъ и приблизительныхъ расчетовъ, представляютъ самыя точныя описанія и характеристики, сопровождаемыя полными статистическими данными, и притомъ не въ сухомъ схематическомъ изложеніи, а въ видѣ живой картины, напоминающей Тиціана и Веронезе по изяществу рисунка, мягкости и блеску колорита.

Въ реляціяхъ многихъ губернаторовъ, адмираловъ и особенно синдиковъ глубокія рапы государственнаго и общественнаго организма Венеціи открыты съ такимъ благороднымъ мужествомъ и вмѣстѣ патриотической грустью, что въ авторахъ этихъ донесеній мы никакъ не можемъ предполагать тѣхъ чиновниковъ формалистовъ, на которыхъ жаловался съ нѣкоторымъ пессимистическимъ преувеличеніемъ Марино Санудо въ своихъ „Дневникахъ“.

Критическіе приемы автора сборника находятся на высотѣ и его великолѣпнаго матеріала, и той трудной задачи, которую онъ себѣ намѣтилъ. Мы не видимъ въ его этюдахъ ни поспѣшныхъ обобщеній, ни несоразмѣрности выводовъ съ данными; наоборотъ, всюду встрѣчаемъ слѣды строгаго научнаго самообладанія и благородной сдержанности. Рисуя картину съ очень темнымъ и грустнымъ фономъ, авторъ не оставляетъ читателя въ жертву безнадежнаго разо-

чарованія въ человѣкѣ и человѣчествѣ; надъ этими „поваленными гробами“ всюду видно сіяніе христіанскаго неба, „дождащаго на праведныхъ и неправедныхъ“, чувствуется теплое дыханіе чисто христіанской морали, примирающей всѣ противорѣчія жизни и прощающей враговъ. Этотъ идеальный греко-славянскій сводъ, раскинутый любовно надъ грубымъ реализмомъ западнаго міросозерцанія, производитъ самое отрадное впечатлѣніе на русскаго читателя и миритъ его съ ѣлкимъ юморомъ, который пронизываетъ всѣ части нарисованной картины. Сквозь этотъ юморъ просвѣчиваетъ любовь автора къ адриатической грѣшницѣ, все еще прекрасной и въ глубинѣ ея нравственнаго паденія. И эта любовь, какъ живая искра, невольно переливается въ душу читателя, прощающаго все за полную обаянія и силы архивную исповѣдь ея—увы!—великихъ грѣховъ.

Въ этомъ отношеніи обнаженная грѣшница—хотя и не кающаяся, а закоснѣлая, не Магдалина, а Фрина—картины славянской все же больше вызываетъ сочувствія и прощенія, чѣмъ покрытая черною маской Венеція Фулина и другихъ италіанскихъ историковъ. Не будь этихъ грѣховъ, не было бы и исповѣди; а безъ послѣдней сколько тайнъ прошлаго погибло бы для человѣчества, для Европы, для Славянства!

Прислушаемся же къ этой исповѣди сначала о ней самой и ея близкихъ, а потомъ и по отношенію къ намъ и нашимъ.

IV.

Точкою отправленія для діогноза государственныхъ и общественныхъ болѣзней старой Венеціи В. И. Ламанскій избралъ явленіе политическаго убійства. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе это имѣетъ важное значеніе и какъ симптомъ тяжелой духовной болѣзни соответствующаго политическаго или нравственнаго организма, и какъ одинъ изъ историческихъ факторовъ, влиявшихъ на судьбы государствъ и народовъ.

Преступно и позорно убійство явное, совершенное въ порывѣ страсти или изъ-за куска хлѣба какимъ-нибудь бандитомъ, вышедшимъ изъ подонковъ общества; но во сколько разъ позорнѣе убійство политическое, произведенное по спокойномъ и холодномъ обсужденіи людьми развитыми и обеспеченными, высшими сановниками государства, даже выборными его представителями!

Каждый почти фактъ венеціанскаго политическаго убійства со-
вмѣщалъ въ себѣ обѣ категоріи преступленій: исполнителями его были

обыкновенно бандиты, бродяги, отребье общества и лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ—монахи, всендзы, епископы, нобили; но идея убійства давалась обыкновенно какому-нибудь высокимъ сановникомъ республики и затѣмъ, по обсужденіи ея въ Совѣтъ X и на основаніи его рѣшенія, приводилась въ исполненіе тѣмъ или другимъ органомъ и способомъ.

Особенную этическую важность и психологическій интересъ получаютъ эти убійства еще по той причинѣ, что они декретировались и затѣмъ выполнялись не при какихъ-либо исключительныхъ лишь условіяхъ и случаяхъ, но составляли довольно обыденное явленіе венеціанской государственной жизни, одну изъ постоянныхъ и какъ будто даже неизбежныхъ пружинъ государственнаго механизма. При этомъ нужно еще то имѣть въ виду, что Совѣтъ X ежегодно обновлялся въ своемъ составѣ; это былъ трибуналъ изъ людей выборныхъ, большею частію изъ самыхъ заслуженныхъ и опытныхъ дѣятелей. Легко понять появленіе на тронѣ злодѣя или мапіяка, пожалуй, даже кратковременное существованіе какого-нибудь разбойничьяго *comité du salut public*; но какъ объяснить непрерывное существованіе такого комитета въ теченіе многихъ столѣтій, при самыхъ разнообразныхъ политическихъ условіяхъ и при обязательной ежегодной смѣнѣ всѣхъ его членовъ?

Очевидно, что средній уровень общественной нравственности въ старой Венеціи не былъ выше средняго уровня морали этого разбойничьяго трибунала,—что число то отъявленныхъ, то тайныхъ бандитовъ въ высшихъ слояхъ венеціанскаго общества было не меньше, чѣмъ въ низшихъ. Констатируя многовѣковое существованіе такого трибунала, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ фактъ тяжелой общественной болѣзни, — болѣзни ума, чувства, воли, особенно же совѣсти. Объясненіе причинъ этой болѣзни составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ въ исторіи западно-европейскихъ обществъ и государствъ.

Но не одними этическими сторонами можетъ насъ интересовать исторія политическихъ убійствъ такого знаменитаго государства, каковымъ была Венеція XV—XVI вв. Она имѣетъ и болѣе непосредственное отношеніе къ судьбѣ народовъ того времени своимъ—такъ сказать—механическимъ на ней отраженіемъ. Устраняя съ исторической сцены, посредствомъ яда или кинжала, какого-либо императора, султана, короля, или хоть папу, вліятельнаго кардинала либо министра, Венеція пересѣкала тѣмъ нити многихъ дипломатическихъ затѣй, выводила

на сцену новыхъ дѣятелей, а съ ними перѣдко и новыя идеи, комбинаціи, отношенія. Это случилось, напримѣръ, по убіеніи Матвѣя Корвина, Карла VIII, Александра VI, Льва X и многихъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историки западно-европейской жизни XV—XVI вв. внимательно изучаютъ относящіяся сюда страницы Сборника и примутъ ихъ въ соображеніе при изложеніи отдѣльныхъ эпизодовъ и общаго движенія этой жизни въ блестящій вѣкъ „возрожденія и гуманизма“.

V.

Лица, на жизнь которыхъ Совѣтъ X дѣлалъ то удавшіяся, то неудавшіяся покушенія, принадлежали къ очень различнымъ общественнымъ классамъ.. Между 80-ю такими лицами, поименованными г. Ламанскимъ на стр. 817—823 за періодъ времени отъ 1415 до 1768 г., по документамъ его сборника, съ дополненіями изъ Фулина „*Eggsi vecchi e documenti nuovi*“, мы находимъ: императоровъ (Сигизмунда Люксембургскій и Максимилианъ I), султановъ (Магометъ II, Баязеть II, Селимъ II и два его сына), королей (Матвѣй Корвинъ, Карлъ VIII, Людовикъ XII), папъ (Александръ VI, Люцій II), герцоговъ, князей, маркизовъ, графовъ, министровъ, дипломатовъ, бановъ, генераловъ, адмираловъ, визирей, пашей, кардиналовъ, епископовъ, ноблей, докторовъ, драгомановъ, монаховъ, ксендзовъ, агентовъ, шпіоновъ, кондотьеровъ, пиратовъ, ускоковъ, бандитовъ, плѣнниковъ, простыхъ турокъ, албанцевъ и тому подобное. Нѣкоторыя изъ жертвъ были замѣчаемы Совѣтомъ X не однажды, а по нѣскольку разъ. Такъ убіеніе императора Сигизмунда Люксембургскаго было декретировано три раза, Магомета II—14 разъ, Миланскаго герцога Франциска Сфорцы—18 разъ. Если же при всемъ томъ эти и многія другія изъ замѣченныхъ Совѣтомъ жертвъ остались цѣлы и невредимы, то конечно не по недостатку доброй воли Десяти, а благодаря вѣрности своихъ приближенныхъ. Менѣе счастливы были въ этомъ отношеніи Матвѣй Корвинъ, Карлъ VIII, папа Александръ VI, хорватскій банъ Таршавалъ, Драчскій епископъ Мартинъ и многіе другіе, которыхъ смерть по почину Совѣта X удостовѣрена съ большею или меньшею несомнѣнностью документами сборника и объясненіями къ нимъ г. Ламанскаго.

Наименѣе разъяснено въ Сборникѣ участія Сивьорія въ отравленіи Матвѣя Корвина (201, стр. 198,542) и Карла VIII (300—315),

хотя приведенныя авторомъ прямыя и косвенныя улики довольно тяжелы, особенно въ отношеніи къ послѣднему. Разслѣдованіе этихъ, какъ и многихъ другихъ, удавшихся убійствъ, особенно лицъ коронованныхъ, затруднено и тѣмъ обстоятельствомъ, что Совѣтъ X въ подобныхъ случаяхъ уничтожалъ компрометирующіе его документы, чтобы замести за собою слѣды злодѣянія. Впрочемъ, такіе документы могли и не существовать, при господствовавшемъ тогда обычаямъ наиболѣе опасныя и тайныя распоряженія давать исполнителямъ устно, а не письменно.

Довольно подробно рассмотрѣны г. Ламанскимъ (на стр. 315—320 и на стр. 354—357) обстоятельства смерти папы Александра VI. Изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что этотъ папа былъ отравленъ своимъ поваромъ, вмѣстѣ съ сыномъ Цезаремъ Борджія, и что поваръ этотъ былъ подкупленъ кардиналомъ Адрианомъ де Корне, который разчитывалъ самъ сдѣлаться папою, при содѣйствіи венеціанцевъ.

Жаль только, что г. Ламанскій на стр. 319 самъ подорвалъ силу своихъ аргументовъ совершенно неожиданнымъ для читателя и невѣроятнымъ предположеніемъ, будто Александръ VI умеръ не отъ яда, а отъ сильнаго потрясенія, произведеннаго въ немъ мыслью объ отравленіи его любимаго сына Цезаря Борджія. Этому предположенію противорѣчатъ: а) характеръ обоихъ Борджіевъ — отца и сына, не страдавшихъ такой слабостью нервовъ, что-бы видѣ даже не смерти, а лишь болѣзни втораго могъ сразить перваго; б) описаніе болѣзни Александра VI у Марино Санудо (338) и ужаснаго вида его трупъ (339—340), какой возможенъ лишь при насильственной смерти, именно отъ яда, и наконецъ в) послѣдующая судьба кардинала Адриана и довольно распространенный взглядъ свѣдущихъ современниковъ на него, какъ на виновника смерти Александра VI (355, 403). Въ невѣроятности г. Ламанскаго приписать эту смерть яду, и притомъ яду венеціанскому, мы видимъ доказательство его крайней осторожности при подобнаго рода тяжелыхъ уголовныхъ обвиненіяхъ, даже въ отношеніи къ давно сошедшимъ со сцены и чуждымъ намъ историческимъ дѣятелямъ.

Изъ того обстоятельства, что г. Ламанскій, а равно и венеціанскій ученый Фулинъ успѣли обнаружить въ бумагахъ Десяти не болѣе сотни случаевъ то задуманныхъ, то и выполненныхъ политическихъ убійствъ въ XV—XVIII вв., нельзя сдѣлать заключенія объ ихъ относительной малочисленности и рѣдкости, такъ какъ оба автора